

УДК 94(470+481)(045)
DOI: 10.17223/19988613/65/2

К.С. Зайков

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРНОГО ФРОНТИРА РОССИИ И НОРВЕГИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-10198
«Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции
процесса пространственной социализации».*

Изучены малоизвестные страницы истории российско-норвежского пограничья (Северного фронта), представлена комплексная картина миграционных процессов и этнокультурного ландшафта Северного фронта в хронологических рамках XVIII – начала XIX в. Результаты исследования позволяют произвести комплексную реконструкцию эволюционного развития российско-норвежского пограничья от зоны с фронтирной конфигурацией к территории с четкими политическими границами в конце XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: российско-норвежское пограничье; этнокультурный ландшафт; саамы; Северный фронт; Финнмарк; общие округа; скольты.

Центральное место в российско-норвежских отношениях XVIII–XIX вв. занимал вопрос о разграничении Северного фронта – территории современного российско-норвежского пограничья вдоль рек Нявдема (норв. – Нейден), Паз / Паесъ (норв. – Пасвиг) и Печенга (норв. – Пейсен)¹, где с XIII в. располагались «общие владения» Норвегии, Швеции и Великого Новгорода, позднее переданные Российской Империи и Дании-Норвегии².

И хотя вопрос о разграничении Северного фронта на финальной стадии его делимитации в 1822–1826 гг. подробно освещен в отечественной и зарубежной историографии, этнокультурный ландшафт и миграционные процессы оспариваемого пространства остаются неизученными в современном историческом североведении [1. Р. 1164–1172]. В то же время именно локальные промысловые конфликты между коренными жителями (скольтами) и пришлым населением (норвежскими колонистами, морскими и горными норвежскими саамами) в 1821 и 1822 гг. стали предлогом для начала дипломатических переговоров между Российской империей и Швецией-Норвегией, завершившихся разграничением фронта и демаркацией российско-норвежской границы в 1826 г. [2. Р. 38–59].

В этой связи остается актуальной задача реконструкции этнокультурного ландшафта и миграции на территории Северного фронта в XVIII–XIX вв. Полученные результаты позволят произвести комплексную реконструкцию процесса эволюции российско-норвежского пограничья, а также существенно улучшить интерпретационную модель процесса разграничения Северного фронта в конце XVIII – начале XIX в.

Изначально территория Северного фронта (XIII в.) охватывала весь Финнмарк (Samri) – береговую линию приблизительно от современного Тромсе (Люнген фиорд) в северной Норвегии до горла Белого моря на

востоке, а также огромные территории во внутренних районах северной Фенноскандии и Кольского полуострова. На протяжении XVI–XVII вв. в результате поселенческой и монастырской колонизаций, вооруженного решения пограничных вопросов размер фронта интенсивно сокращался. К 1613 г. его площадь включала небольшой район между рек Нявдема, Паз и Печенга на территории современного южного Варангера. В XVIII – начале XIX в. эти территории входили в состав Кольского уезда Архангельской губернии (Российская империя) и в состав провинции Финнмарк (Дания-Норвегия; Швеция-Норвегия) [3. Р. 19–37].

В рассматриваемый исторический период на данной территории располагались земли (сийтов / погостов) восточной православной группы саамов (скольтов). В российских источниках данные территории именовались «двоеданные погосты»³, в норвежских источниках они известны как «общие округа» [Ibid. Р. 19–37; 4. Р. 1044–1062]. В период Новгородской земли «погостом» называлось место сбора дани и организации княжеского суда. Уже с раннего Средневековья этот термин стал употребляться для обозначения не только фискальной податной единицы, но и самой нижней единицы административно-территориального деления Новгородской земли. Позднее эта система была заимствована Русским государством, а затем и Российской империей [5. С. 173–184; 6. С. 94–96].

Территория проживания скольтов делилась между тремя большими семьями с соответствующими погостами: Нявдемским, Пазрецким и Печенгским, которые и составляли так называемые «двоеданные погосты» / «общие округа» (рис. 1) [7. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125, 127, 129, 9571; Ф. 4. Оп. 2. Д. 273; Ф. 4. Оп. 3. Д. 642; Оп. 7. Д. 512; 8. Ф. 1. Адм. дела. II-6. Д. 75. Ч. 1. Л. 140–145; Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701].



Рис. 1. Карта погостов скольтов, составлявших «общие округа» России и Дании-Норвегии в XVII – начале XIX в. 1 – Нявдемский погост, 2 – Пазрецкий погост, 3 – Печенгский погост

Скольты находились под гражданской и церковной юрисдикцией России и двойной фискальной юрисдикцией. И Россия, и Дания-Норвегия имели право сбора налогов с коренного населения. Территория проживания скольтов не имела четкой административной юрисдикции между Россией и Данией-Норвегией [3. С. 23–30], поэтому в политико-экономическом смысле географическое пространство «общих округов» / «двоеданных погостов» представляло собой буферную зону с неопределенным политическим статусом и низким уровнем территориально-административного контроля, что позволяет определить историко-географическую форму организации данной территории как фронтир, зону без четких политических границ и открытую для хозяйственного освоения [9. Р. 606–632].

Первые письменные упоминания о промысловых миграциях датско-норвежских подданных на территории скольтов встречаются в источниках XVI в. [10]. Из более поздних документов, а именно протоколов майора Петера Шнитлера, члена совместной шведско-датской экзаменационной пограничной комиссии (1742–1745), известно⁴, что еще со времени основания крепости Вардехус, расположенной на территории северного Варангера (1330), подданные датской короны, а именно варангерские горные и морские саамы и норвежские колонисты, приезжали летом на побережье южного Варангера для ведения речного и лесного промыслов [Ibid.].

Причина крылась в бедности природных ресурсов северного Варангера, где преимущественно проживали горные и морские саамы и колонисты. В то же время близлежащий южный берег фиорда (южный Варан-

гер, где располагались «двоеданные погосты» / «общие округа») изобиловал этими ресурсами, так необходимыми для выживания и процветания норвежских поселений (Киберга, Вадсе и Варде).

Природа подталкивала норвежских колонистов к заселению южного Варангера. Согласно материалам, собранным норвежским исправником восточного Финнмарка (фогдом) Ведеге в 1747 г., норвежские колонисты ежегодно приезжали на побережье всех трех погостов. Районом их хозяйственной активности были фиорды и устья рек, расположенные на территориальном пространстве от Верес губы до Печенгской губы⁵ (рис. 2) [11. Р. 70–76].

Отметим, что выбор островов в дельте рек Нявдема и Паз для организации норвежских поселений был неслучайным. Торговая компания, расположенная в норвежском городе Вадсе, обладала государственной монополией Дании-Норвегии на торговлю и промысел по берегам Нявдемского и Пазрецкого погостов и пыталась организовать постоянное поселение в целях развития промысла с коренными жителями, у которых купцы приобретали семгу, сельдь и строевой лес (рис. 3) [12. ST/T/FA. Voks 37; 13. Р. 27–28].

Самой большой группой датско-норвежских подданных, мигрировавших на территорию скольтов, были так называемые варангерские саамы. Скандинавские историки и антропологи разделяют их на две группы: морские, полуоседлые саамы, занимавшиеся охотой и рыболовством, и горные, кочевые с основным занятием оленеводством-собираТЕЛЬСТВОМ [14. Р. 203–204, 211–215].

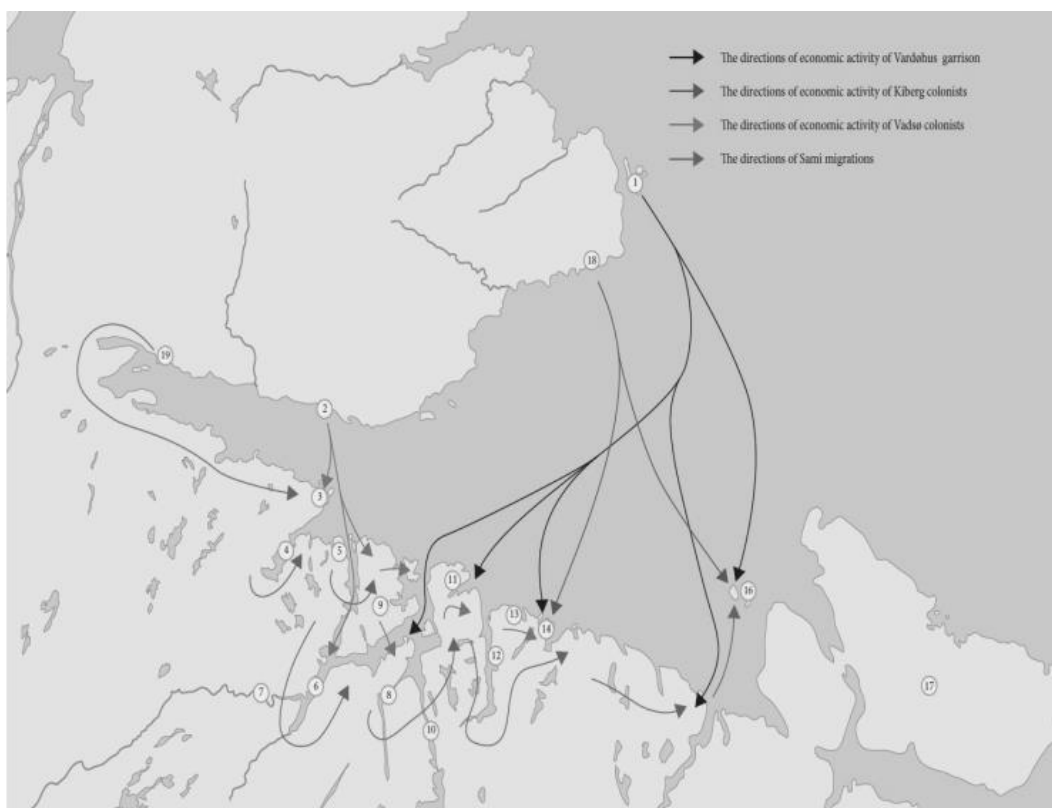


Рис. 2. Карта хозяйственной активности датско-норвежских подданных на территории трех саамских погостов, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – начале XIX в.

1 – крепость Вардехус (норв. – Вардехус), 2 – Васино, Водяное (норв. – Варде), 3 – Верес-Наволоок (норв. – Бугенес), 4 – Верес Губа (норв. – Бугой фиорд), 5 – ст. Шапкино (норв. – Брашхавн), 6 – Нявдемская губа (норв. – Кой фиорд), 7 – р. Нявдема (норв. – Нейден), 8 – Косая губа (норв. – Корш фиорд), 9 – о. Шалим (норв. – Скугер ой), 10 – р. Паз, Паз-река, Паесь (норв. – Пасвиг), 11 – Пазрецкая губа (норв. – Бок фиорд), 12 – Ровдинская губа (норв. – Яр фиорд), 13 – ст. Песчаное (норв. – Сандхав), 14 – р. Ворьема (норв. – Якобс), 15 – р. Печенга (норв. – Пейсен), 16 – о-ва Айновы (норв. – Хенойен), 17 – Рыбачий п-ов (норв. – Фискер ой), 18 – п. Киберг, Кибарь (норв. – Киберг), 19 – Фин бю

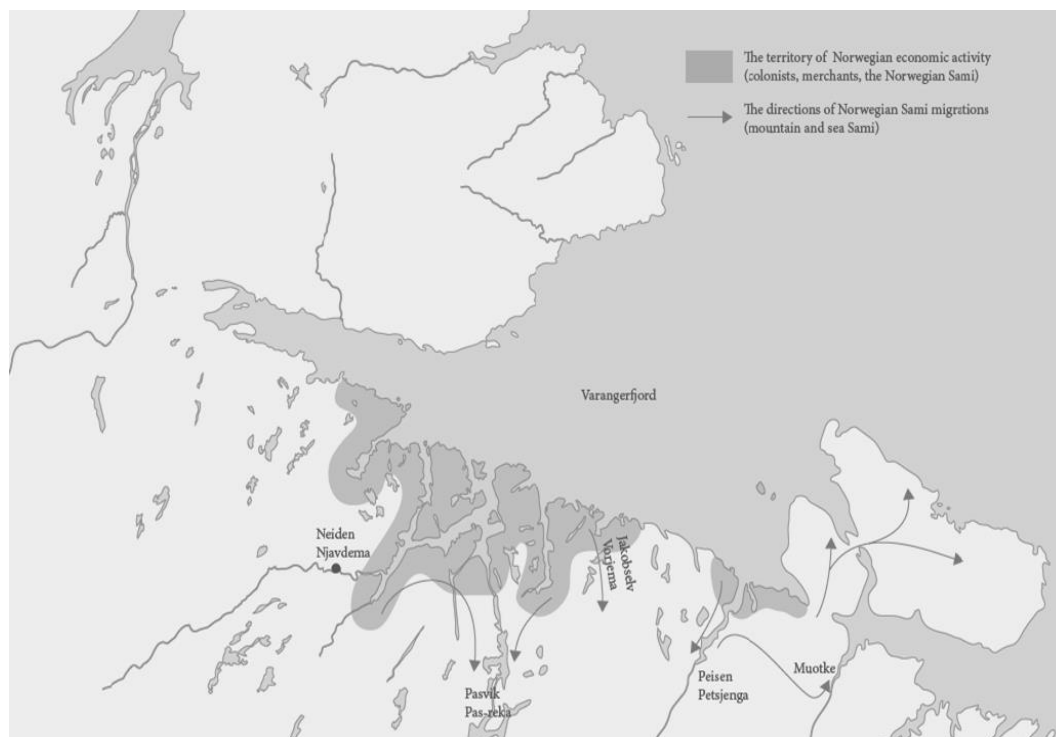


Рис. 3. Карта норвежской промысловой деятельности и саамских миграций на территории «общих округов» второй половины XVIII – начала XIX в.

В 1747 г. число горных и морских саамов, кочевавших по территориям Нявдемского и Пазрецкого погостов, по данным П. Шнитлера, оценивалось в 11 семей [11. Р. 105; 14. Р. 214–215], что составляло примерно 55 человек (средний состав саамской семьи – 4–5 человек). Важнейшими ресурсами округов для саамов были богатые ягелем пастбища и рыбные угодья.

П. Шнитлер в протоколе указывал, что поселения норвежских саамов на северном берегу Верес губы в районе мыса Верес-Наволоок возникли в конце XVII в. [11. Р. 105]. Однако российские источники свидетельствуют, что первые поселения морских саамов на пространстве от м. Верес вдоль северного берега Верес губы, считавшейся в то время западной границей нявдемских скольтов, возникли лишь в 1735 г. Это иллюстрируют исследования поселений норвежских саамов, организованные военными Кольского гарнизона солдатом Турчасовым и капитаном Репуховым в 1747–1749 гг. после поступления жалоб от скольтов Нявдемского погоста. В своем рапорте оба военных свидетельствовали, что на Верес Губе проживали 17 человек подданных датской короны: 14 мужчин и 3 женщины [8. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Л. 109–119].

Несмотря на существенные противоречия в датировке начала поселенческой миграции норвежских саамов на территории погостов скольтов, мы полагаем, что данные российских источников выглядят наиболее убедительными. Во-первых, появление поселений посторонних коллективов обязательно вызвало бы конфликт между пришлым и коренным населением, и первый такой конфликт относится именно к 1730-м гг. Во-вторых, исследование П. Шнитлера направлено на сбор сведений для легитимации территориальных притязаний Дании-Норвегии по отношению к России. Они же стали источником знаний об изучаемой территории. В этом контексте искажение фактов в пользу норвежских саамов было выгодно как самому коллективу, так и майору П. Шнитлеру, так как факт существования долговременного норвежского поселения на оспариваемой территории являлся аргументом в пользу делимитации, выгодной для датско-норвежской стороны [Там же; 11. Р. 92–107].

Таким образом, мы полагаем, что морские саамы начали переходить от сезонной промысловой миграции к поселенческой на территории скольтов именно с 1730-х гг. По мнению антрополога В. Таннера и историка А. Андресена, причиной интенсификации сезонных миграций и перехода к оседлой жизни морских и горных саамов стала широкая тенденция распространения экстенсивного оленеводства [15, 16].

Изменение хозяйственной структуры коллективов норвежских саамов – не единственный фактор роста миграционных потоков на землях скольтов. Отсутствие государственных границ на территории «общих округов» и однотипность хозяйств норвежских и русских саамов также способствовали миграции. Из переписки русской администрации известно, что горные саамы знали о границе юрисдикции норвежского налогового инспектора у мыса Верес (норв. – Бугенес) – северо-западного пограничного пункта «общих округов». За мыс Верес инспектор приезжал только для

сбора налогов со скольтов. С 1785 г. ежегодные поездки чиновника были сокращены до одной в три года, а с 1813 г. и вовсе прекратились [17. Р. 390–391]. Горные саамы умело использовали данный факт, чтобы скрыть действительное число оленьих стад и укрыться от налогового инспектора [18. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26. Л. 6–6 об.]. Выгоду в этом видели и русские саамы. Они не культивировали оленеводство так эффективно, как горные саамы, и поэтому сдавали свои пастбища в аренду в обмен на право использовать норвежских оленей [7. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Л. 1 об.; Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Л. 2; 11].

С 1750-х гг. морские саамы начинают расселяться за Верес губой в районе дельт рек Нявдема, Паз и прилегающих к ним островов Шалим и Солдатский [8. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Л. 52–56, 109–119; 11. Р. 70–76].

Норвежский историк С. Виккан пишет, что с конца XVII в. численность нявдемских саамов начала неуклонно падать, поэтому столь обширная территория не могла контролироваться одним лишь коллективом погоста. Норвежские саамы беспрепятственно расширяли район оленьей пастбы и переходили к постоянному проживанию на территории погоста скольтов, постепенно усиливая хозяйственное давление и провоцируя промысловые конфликты с русскими саамами [13. Р. 45]. Но характерно ли это явление лишь для нявдемских саамов, или численность населения коллективов снижалась во всех трех погостах?

Российские источники XVIII – начала XIX в., содержащие данные о количестве мужского и женского населения, говорят следующее: в 1710 г. в Нявдемском погосте числились 29 душ мужского пола и 32 женского, в Пазрецком – 49 и 40, в Печенгском – 43 и 42 соответственно [6. С. 101–103; 7. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 13]. Всего в первой половине XVIII в. численность скольтов всех трех общих округов составляла 235 человек.

Дальнейшая подушная перепись, проведенная в погостах скольтов в 1785 г., указывает, что население трех погостов после 1710 г. стремительно сокращалось. В Нявдемском погосте проживало лишь 8 душ мужского пола и 5 женского, в Пазрецком погосте – 30 мужского и 34 женского, в Печенгском погосте – 31 мужского и 38 женского [7. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 2–3]. Всего население трех погостов составляло 146 человек.

К началу XIX в. общая численность скольтов уменьшилась почти наполовину, а численность коллектива Нявдемского погоста – с 61 в 1710 г. до 13 человек в 1785 г., т.е. почти в 4 раза. Таким образом, гипотеза демографического спада в XVIII в. подтверждается. Данное явление было характерно не только для Нявдемского погоста, но и для всех коренных жителей Северного фронта. Связано это с распространением в XVIII в. на коллективы скольтов двойного подушного налогообложения, рекрутской (1725) и ямской повинностей. Такие меры приводили к выбытию мужского населения из коллективов и вынуждали отдельные семьи записываться в соседние российские погосты во избежание двойного налогообложения [7. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 224. Л. 1–8; Д. 661. Л. 4; Т. 4.

Д. 7638. Л. 1; Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 13–23; 8. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Л. 98–101, 157–160; 13. Р. 29]. Снижение численности коллективов сопровождалось сокращением использования промысловых угодий. Соответственно, образовавшийся пространственный вакуум стал заполняться норвежскими саамами и колонистами. Рост прямых и косвенных налогов также вынуждал скольтов прибегать к практике сдачи своих угодий переселявшимся норвежским саамам для получения ренты и выплаты налогов.

Росту колонизации способствовала и политика властей восточного Финнмарка. С середины 70-х гг. XVIII в., а именно с финнмаркского губернатора Туркеля Юнсона Фьелшtedта, получила широкое распространение практика выдачи разрешений норвежским колонистам и саамам на право заселения южного Варангера. В переписке с королевской канцелярией в Копенгагене губернатор Т.Ю. Фьелшtedт объяснял свою инициативу желанием усилить присутствие датской короны на спорной с Россией территории «общих округов», учитывая экономический потенциал этой земли [12. Voks 29]. Его практику продолжил следующий губернатор Финнмарка Ула Ганнибал Соммерфельдт, на период губернаторства которого (1787–1800) приходится большая часть разрешений, выданных на заселение «общих округов» [7. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; 13. Р. 46]. Так начался медленный процесс норвежской колонизации южного Варангера, который постепенно охватывал все побережье Северного фронта.

По сведениям из записок норвежского профессора натуралиста Йенса Ратке, сделанных в 1801–1802 гг. во время путешествия по Финнмарку и северной России, в 1801 г. в дельтах рек Нявдема и Паз проживали 43 семьи: 38 семей саамов и 5 семей норвежцев. Из них 16 семей (70 муж.) – на берегу Верес губы, 13 семей (60 муж.) – на о. Шалим и 14 семей (59 муж.) – на берегу Пазрецкой губы [19]. Таким образом, общая численность варангерских саамов и норвежских колонистов (189 чел.), постоянно проживавших на прибрежной территории Нявдемского и Пазрецкого погостов, превышала общую численность нявдемских и пазрецких скольтов (77 чел.) в два раза.

К началу XIX в. нявдемские и пазрецкие саамы были не в состоянии самостоятельно препятствовать расселению датско-норвежских подданных на территориях своих погостов. Рост численности пришлого населения над скольтами более чем в два раза представлял угрозу сохранению контроля над стратегическими угодьями коллективов. Это стало причиной изменения

коллективами нявдемского и пазрецкого погостов своего отношения к Дании-Норвегии. С 1790-х гг. скольты намеревались добиться признания их территорий исключительно частью Российской империи, пытаясь привлечь чиновников Кольского уезда для контроля над промысловой миграцией и колонизацией их территорий датско-норвежскими подданными [7. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 417; Ф. 4. Оп. 7. Д. 512, 1356].

Реконструкция миграционных процессов на территории Северного фронта в XVIII в. показывает нам, что районы сезонных промысловых миграций варангерских саамов с 1730-х гг. все время расширялись в юго-восточном направлении. Постепенно районы промысловой деятельности охватывали все большее пространство вдоль побережья южного Варангера, включая острова, прилегающие к материковой части, дойдя в 1810-х гг. до внутренних территорий Пазрецкого погоста в низовьях р. Паз.

К моменту событий, предшествовавших разграничению Северного фронта (1822), некоторые семьи горных саамов пасли оленей уже у церкви Бориса и Глеба, где располагалась летняя деревня пазрецких саамов [7. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1). Л. 1–4]. В первые два десятилетия XIX в. часть семей горных саамов обладала пастбищами уже на побережье п-ва Рыбачий. Тогда же они стали расселяться вглубь острова и далее от него на юго-восток, доходя до берегов р. Мотки – территории Моткинского погоста, который не входил в состав так называемых спорных «двоеданных округов», а был исключительно российской территорией.

Таким образом, в канун разграничения Северного фронта в 1825 г. общая численность шведско-норвежских подданных на территории «общих округов» стала превышать общую численность всех ее коренных жителей – российских подданных – скольтов. Повсеместный переход датско / шведско-норвежских подданных в начале XIX в. от сезонного промысла к постоянному проживанию на территории округов указывает, что де факто спорные территории перестают быть гомогенным пространством в этнокультурном измерении, как это было до XVIII в. Данные процессы сопровождался ростом промысловых конфликтов между российскими и датско-норвежскими подданными и ростом напряженности в дипломатических отношениях между Россией и Данией-Норвегией. В итоге эти споры ускорили включение вопроса о разграничении Северного фронта в начале XIX в. в повестку дипломатических отношений между обоими странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время это административные границы района современного южного Варангера в Финнмарке и Печенгского района Мурманской области.

² В период с 1397 по 1523 г. Норвегия в рамках Кальмарской унии входила в состав общего королевства Дании и Швеции, с 1536 по 1814 г. – на правах личной унии в состав Датского королевства. С 1814 по 1905 г. Норвегия на правах личной унии входила в состав Объединенного королевства Швеции и Норвегии. В рамках сложившейся традиции отечественного исторического североведения Норвегия периода 1536–1814 гг. именуется как Дания-Норвегия, Норвегия периода 1814–1905 гг. – как Швеция-Норвегия.

³ См. об этом: Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642; Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч.1); Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53–75; Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. XVI.

⁴ Петер Шнитлер был датским военным картографом, который в 1743–1745 гг. сделал подробное историческое и статистическое описание, а также составил первую карту «общих округов» с указанием границ погостов скольтов.

⁵ Верес губа – северо-западная граница Нявдемского погоста скольтов. Печенгская губа – часть Печенгского погоста скольтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zaikov K.S. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems // *Bylye Gody*. 2016. № 42 (4). P. 1164–1172.
2. Zaikov K.S., Nielsen J.P. Mot en ny grense: Traktaten av 1826 // *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo : Pax Forlag, 2014. P. 38–59.
3. Nielsen J.P., Niemi E.A., Christensen O. Norsk-russiske fellesområder fram til 1814. Oslo : Pax Forlag, 2014. P. 19–37.
4. Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y. Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the Turn of the Century: the End of XIX – the Beginning of XX Centuries (based on the Materials of the Diocesan Press) // *Bylye Gody*. 2017. № 45 (3). P. 1044–1062.
5. Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // *Археологические исследования Новгородской земли*. Л., 1984. С. 173–184.
6. Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры. Каутокейно : Sami allascuvla, 2008. 282 с.
7. Государственный архив Архангельской области.
8. Архив Внешней политики Российской Империи.
9. Kolosov K. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // *Geopolitics*. 2005. № 10 (4). P. 606–632.
10. Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745 / K. Nissen, I. Kvamen, eds. Oslo : Kjeldeskriftfondet, 1962. Vol. I.
11. Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745 / L.I. Hansen, T. Schmidt, eds. Oslo : Kjeldeskriftfondet, 1985. Vol. III.
12. Statsarkivet i Tromsø. Государственный архив Норвегии в г. Тромсе.
13. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
14. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktaessig fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse*. Kristiania, Dybwad, 1923. P. 203–204, 211–215.
15. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt –Lapparna. Helsingfors, 1929.
16. Andresen A. Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk : Cand. Philol. Dissertation. Tromsø, 1983.
17. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Red S. Imsen. Oslo, 2005. P. 390–391.
18. Российский государственный военно-исторический архив.
19. Professor Rathkes Reise i Finmarken og det nordlige Rusland: i Aarene 1801 og 1802. URL: www.nb.no/nbsok/nb/dff0e910efbe36c7ede23d9856264c52;jsessionid=E76446503CDA4D2E3BD99DA48BBDED0A.nbdigital3?index=6#1 (accessed: 12.10.2017).

Konstantin S. Zaikov, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia). E-mail: k.zaikov@narfu.ru

MIGRATION PROCESSES AND THE ETHNO-CULTURAL LANDSCAPE OF THE NORTHERN FRONTIER OF RUSSIA AND NORWAY IN THE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

Keywords: Russian-Norwegian borderland, ethnocultural landscape, Sami, Northern Frontier, Finnmark, common districts, Skolts.

The article considers little-known pages of the history of the Russian-Norwegian borderland (Northern Frontier), a comprehensive picture of migration processes, and the ethnocultural landscape of the Northern Frontier in the chronological framework of the 18th – early 19th centuries. The main sources are the archives of Russia and Norway: the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the State Military Historical Archive, the State Archive of the Arkhangelsk Region, the National Archive of Norway in Oslo and the State Archive of Norway in Tromsø. The results of the study reveal a comprehensive reconstruction of the evolutionary development of the Russian-Norwegian borderland from the zone with a frontier configuration to a territory with well-defined political boundaries, and substantially supplement the interpretation model of the delimitation process of the Northern Frontier at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.

An analysis of archival sources showed that the territory of the Russian-Norwegian borderland (Nyavdema, Paatsjoki and Pechengsky pogosts) prior to the 18th century was inhabited mainly by the Russian Orthodox Sami-Skolts. Since the 18th century, Danish-Norwegian subjects of the Varanger group – the montane and sea Sami and Norwegian colonists gradually settled this area.

Seasonal fishing migrations of the Varanger Sami in the Skolt pogosts were typical for the economic life of the Sami borderland communes, but the nature of commercial migrations in the 18th century qualitatively changed. Montane and sea Sami gradually replaced their seasonal fishing migrations to permanent stay in the Skolt territories, expanding the areas of fishing activities. The transition to settlement colonization was caused by the crisis of extensive reindeer breeding of the Varanger Sami and the policy of Finnish officials who encouraged the settlement of the Russian Sami territories.

Thus, the change of the migration nature, the expansion of fishing activities by Danish-Norwegian subjects, and the Skolt's failure to control their own territory led to a change in the ethnocultural landscape of the Northern Frontier. The Norwegian presence in the disputed territory was intensified; the involvement of the civil administration of Russia and Denmark-Norway in the resolution of trade disputes between subjects of both states in the late 18th and early 19th centuries increased. These facts eventually became the formal foundation for the delimitation process of the Northern Frontier in the 1820s.

REFERENCES

1. Zaikov, K.S. (2016) The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. 42(4). pp. 1164–1172. (In Russian).
2. Zaikov, K.S. & Nielsen, J.P. (2014) Mot en ny grense: Traktaten av 1826. In: Nielsen, J.P. *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo: Pax Forlag. pp. 38–59.
3. Nielsen, J.P., Niemi, E.A. & Christensen, O. (2014) *Norsk-russiske fellesområder fram til 1814*. Oslo: Pax Forlag. pp. 19–37.
4. Vereshchagin, I.F. & Zadorin, M.Y. (2017) Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the Turn of the Century: the End of the 19th – early 20th Centuries (Based on the Materials of the Diocesan Press). *Bylye Gody*. 45(3). pp. 1044–1062. (In Russian).
5. Platonova, N.I. (1984) Pogosty i volosti severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgoroda [Pogosts and volosts of the northwestern lands of Veliky Novgorod]. In: Lebedev, G.S. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya Novgorodskoy zemli* [Archaeological Studies of the Novgorod Land]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 173–184.
6. Kuchinsky, M.G. (2008) *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vekakh. Model' sotsial'noy struktury* [Sami of the Kola County in the 16th – 18th centuries. Model of social structure]. Kautokeino: Sami allascuvla. pp. 94–96.
7. The State Archive of Arkhangelsk Region.

8. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.
9. Kolossov, K. (2005) Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches. *Geopolitics*. 10(4). pp. 606–632. DOI: 10.1080/14650040500318415
10. Nissen, K. & Kvamen, I. (eds) (1962) *Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Vol. I. Oslo: Kjeldeskriftfondet.
11. Hansen, L.I. & Schmidt, T. (eds) (1985) *Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Vol. III. Oslo: Kjeldeskriftfondet. pp. 70–76.
12. *Statsarkivet I Tromsø*.
13. Wikan, S. (1995) *Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene*. Svanvik: Sør-Varanger museums forl. pp. 27–28.
14. Johnsen, O.A. (1923) Finmarkens politiske historie aktmaessig fremstillet. In: Norske videnskaps-akademi i Oslo. II--Hist.-filos. klasse. *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo*. Kristiania, Dybwad: Isha Books. pp. 203–204, 211–215.
15. Tanner, V. (1929) *Antropogeografiska studier inom Petsamo-området*. Skolt-Lapparna. Helsingfors: Tilgmanns Tryck.
16. Andresen, A. (1983) *Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk*. Cand. Philol. Dissertation. Tromsø.
17. Niemi, E. (2005) Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid. In: Imsen, S. (ed.) *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo: Cappelen. pp. 390–391.
18. The Russian State Military Historical Archive.
19. Rathke, J. (1899) *Professor Rathkes Reise i Finmarken og det nordlige Rusland: i Aarene 1801 og 1802*. [Online] Available from: www.nb.no/nbsok/nb/dff0e910efbe36c7ede23d9856264c52;jsessionid=E76446503CDA4D2E3BD99DA48BBDED0A.nbdigital3?index=6#1 (Accessed: 12th October 2017).